

- Obeyesekere, G. (1992) *The Apotheosis of Captain Cook. European Mythmaking in the Pacific*. Princeton, NJ: Princeton University Press. New edn with new afterword by the author, 1997.
- Polanyi, M. (1950). *Scientific Beliefs* // *Ethics* 61: 27–37.
- Pope, J. (2000). *TI Sourcebook. Confronting Corruption: The Elements of a National Integrity System*. <http://www.transparency.org/sourcebook/index.html>. Last checked on April 6, 2004.
- Rutherford, Blair (1999) *To Find an African Witch. Anthropology, Modernity, and Witch-Finding in North-West Zimbabwe* // *Critique of Anthropology* 19 (1): 89–109.
- Sahlins, M. (1995) *How 'Natives' think. About Captain Cook for example*. Chicago, IL and London: University of Chicago Press.
- Sedlenieks, K. (1999) *'Between 'Market' and 'State': an anthropological analysis of corruption in post-Soviet Latvia* MPhil thesis, University of Cambridge.
- The World Bank (2000) *Anticorruption in Transition. A Contribution to the Policy Debate*. Washington, DC: The World Bank
- Tisenkopfs, T., Kalniņš, V. (2002). *Public accountability procedures in politics in Latvia. Preliminary report*. <http://www.politika.lv/index.php?id=102881&lang=lv> last accessed on 10.04.2002.
- UNDP 2001. *Latvia Human Development Report 2000/2001*, Riga.
- Vilks, A., Ķipēna, K. (2000) *Korupcija*. Riga: Lietišķās informācijas dienests.

Перевод Е. Никифоровой

ФОНОВАЯ КОРРУПЦИЯ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА: «ОРУЖИЕ СЛАБЫХ»?

Ирина Олимпиева

Вряд ли кому-то придет в голову сомневаться в актуальности проблемы коррупции в России. Согласно мониторингу Транспаренси Интернэшнл (ТИ), Россия стабильно занимает одно из последних мест в рейтинге государств по уровню некоррупционности экономики. Несмотря на критику применяемой ТИ методики и неоднозначности смысла основного показателя — индекса восприятия коррупции, статистический факт налицо. Именно высоким уровнем коррупции объясняется, с точки зрения как международных организаций, так и российских аналитиков, низкая эффективность и медленный темп проводимых в стране реформ. Огромные средства международных организаций вливаются в Россию для борьбы с коррупцией. Разрабатываются общероссийские анти-коррупционные программы, создаются специальные структуры для борьбы с коррупцией с участием представителей государства, бизнеса и гражданского общества на различных уровнях власти. Однако воз и ныне там. Очередной ежегодный индекс восприятия коррупции¹, равно как и очередной общероссийский мониторинг коррупции, проводимый фондом ИНДЕМ², в очередной раз демонстрируют нам тщетность усилий по борьбе с этим общественным злом. Возможно, направление удара выбрано неправильно, либо феномен коррупции оказывается

¹ Согласно мониторингу ИВК (индекса восприятия коррупции), проводимому Транспаренси Интернэшнл, Россия в 2005 году заняла 126-е место из 159 обследованных стран. http://www.transparency.org/policy_and_research/surveys_indices/cpi/2005

² Региональный общественный фонд «Информатика для демократии» (Фонд ИНДЕМ) известен регулярными исследованиями уровня коррупции в России.

настолько функциональным, укорененным в социально-экономическом организме, что любые попытки его ликвидировать или хотя бы уменьшить масштабы обречены на неудачу? Или, возможно, само представление о коррупции, доминирующее в глобальном политическом дискурсе, оказывается слишком узким для обозначения многообразных способов неформального взаимодействия общества, бизнеса и власти?

Коррупция с большой и маленькой буквы

В случае с коррупцией мы наблюдаем, как идеологическое наполнение термина заслонило собственно денотат — обозначаемый этим термином феномен, дистанцировалось от него и получило самостоятельное существование в политическом и общественном дискурсе. Подобно слову «Родина» (с большой буквы), которое не имеет материального референта как такового (Сандомирская, 2001), «Коррупция-с-большой-буквы» также отличается «ускользающим характером» обозначаемого явления. Речь идет не о масштабах коррупционных сделок, которые отличают большую коррупцию от маленькой, но о феномене идеологическом, который уже как бы и не нуждается в каких-то эмпирических основаниях. Разумеется, было бы неправильно считать Коррупцию чистой конструкцией воображения, однако в той роли, которую она выполняет как обобщенный символ зла, препятствующий эффективному проведению реформ, Коррупция уже давно оторвалась от реальных практических референций и самостоятельно функционирует в политическом и общественном дискурсах как антитеза таким понятиям как Демократия, Гражданское Общество, Свобода и т.п. Привнесенная в российский дискурс волной глобализации, Коррупция превратилась в политическую идеологему, «черную магию», «колдовство»¹, с которым борется международное гражданское сообщество, призывающее Россию включиться в эту борьбу.

Не следует отождествлять Коррупцию-с-большой-буквы с понятием института, которым оперируют социологи или экономисты. Коррупция как социальный институт представляет

собой сформировавшуюся устойчивую систему неформальных правил, регулирующих отношения между носителями властного ресурса и бизнесом (или населением). Можно сказать, что социальный институт коррупции формируется там, где регулирующее воздействие государства неэффективно либо отсутствует. (Т.е. не государство неэффективно потому, что есть коррупция, а коррупция есть потому, что государство неэффективно, хотя попытка определить, что в данном случае первично, грозит перерасти в известную дискуссию про курицу и яйцо. Видимо, первое утверждение можно обозначить как государственно ориентированную позицию, а второе — как исследовательско-ориентированную). Рассмотрение коррупции как социального института предполагает беспристрастный социологический анализ реальности, непредвзятое исследование неформальных механизмов взаимодействия власти и бизнеса. В противоположность этому, рассмотрение ситуации из перспективы Коррупции-с-большой-буквы изначально нацелено не на то, чтобы понять и разобраться, но выявить и заклеить.

Как только мы переходим от Коррупции как идеологической конструкции к реальным практикам, то вместо абстрактных «взятодателей» и «взякополучателей», которые могут быть легко привлечены к уголовной ответственности за коррупцию, мы обнаруживаем запутанный клубок неформальных и полупоформальных отношений, устоявшихся практик, негласных норм и правил, регулирующих отношения бизнеса и простых граждан с различными носителями власти. И, как это часто случается с идеологизированными категориями при более пристальном рассмотрении стоящего за ними феномена, обнаруживается, что далеко не все ситуации, обозначаемые словом коррупция, равно как и не всех участников этих ситуаций, можно однозначно идентифицировать в дихотомической перспективе (как хороших или плохих, «черных» или «белых»). Кроме того, однозначность общественного осуждения этого зла также остается под вопросом: в значительном числе случаев возможность решить проблему в обход формальных правил если не устраивает большинство игроков этого поля, то, по крайней мере, воспринимается ими как естественное состояние вещей. Возмущение наблюдается чаще в ситуации нарушения сложившейся системы правил, как,

¹ См. статью Клавса Седленикса в настоящем сборнике.

например, при смене начальства, когда возникает необходимость устанавливать новые неформальные правила игры, или же при различных реорганизациях бюрократических служб, пускай имеющих самые благие намерения, но также нарушающих неформально сложившийся порядок. Неверно было бы трактовать ситуацию таким образом, что бизнесмены и граждане выступают ЗА коррупцию (хотя иногда в интервью с бизнесменами встречались совершенно недвусмысленные высказывания на эту тему: «слава богу, что есть коррупция, иначе не знаю, как бы мы решили нашу проблему»), просто неформальное решение проблемы в большинстве случаев оказывается более рациональным.

Попытка уйти от идеологизированного представления о коррупции при исследовании данного феномена вовсе не означает, что исследователь не признает наличие многочисленных проблем, связанных со взяточничеством, nepotизмом, несправедливым общественным распределением. Однако возведение Коррупции в ранг безденотатной политической идеологии не помогает, а лишь затрудняет борьбу с неэффективностью государственного регулирования. За счет муссирования в публичном дискурсе данного термина создается иллюзия активной и эффективной антикоррупционной деятельности. Разумеется, грамотно организованная, постоянно поддерживаемая и подкрепленная практическими действиями идеологическая концепция по борьбе с коррупцией могла бы дать положительный эффект, однако то, что мы наблюдаем, в действительности представляет эпизодические, совпадающие, как правило, с периодами предвыборных кампаний «показательные» нападки на Коррупцию. Возможно, поэтому представители наиболее продвинутых российских НГО, прежде всего правозащитных, в интервью отрешиваются от термина коррупция, заявляя, что они борются не с коррупцией, а за «прозрачность власти», «права граждан на информацию», «за развитие мелкого предпринимательства», «преодоление конфликта интересов государственными чиновниками» и т.д. При этом необходимость соответствовать нормам, заданным глобальным гражданским обществом, вынуждает их оперировать в публичном дискурсе магическим термином Коррупция, что хорошо прослеживается по веб-страницам правозащитных организаций и названиям выполняемых ими проектов.

Взгляд на коррупцию из перспективы государства

Само понятие коррупция, возникшее для обозначения использования чиновником своего положения с целью личного обогащения, задает соответствующую проблематизацию этого явления, суть которой — недополучение государственной казной денежных средств, уходящих в карманы чиновников, неэффективность государственного регулирования, искажение на практике смысла разрабатываемых законов. Т.е. коррупция как проблема для государства достаточно очевидна — это проблема эффективного использования государственных ресурсов и наполнения государственного бюджета.

Практически все исследования коррупции, которые проводятся российскими научными и правозащитными организациями, основываются именно на государственно-ориентированной проблематизации данного феномена. Государственная перспектива используется для разработки исследовательских классификаций и аналитических моделей, которые ложатся в основу вопросников и гайдов интервью с экспертами. Многообразные классификации видов коррупции, однако, так или иначе отражают перспективу власти. Традиционное разделение коррупции на верхушечную и низовую есть ни что иное, как выделение коррупции различных уровней власти и управления, отличающихся масштабами ответственности чиновников и соответственно размерами коррупционных сделок. Выделение «коррупционных рынков» (законодательная, исполнительная и судебная власть) также основывается на структуре власти и направлено на то, чтобы оценить масштабы нарушения формальных правил в различных ее ветвях. Даже разделение коррупции на экономическую и бытовую связано в первую очередь с обособлением в общем социально-экономическом пространстве сферы экономической активности как специфического объекта государственного регулирования и основного источника государственных доходов. Таким образом, классифицируя коррупцию из государственной перспективы, исследователи фокусируются на различных сферах власти и управления. При этом априори предполагается, что природа коррупции как социально-экономического явления во всех рассматриваемых областях ее проявления одина.

При всей значимости подобного подхода для мониторинга общей эффективности государственной власти и проводимых административных реформ, он вряд ли может объяснить сложную социально-экономическую природу феномена коррупции, его многообразие, причины возникновения и распространенности. При рассмотрении конкретных случаев коррупционных взаимодействий обнаруживается, что за одним и тем же термином (коррупция) могут скрываться совершенно разные феномены, для которых факт использования чиновником своего служебного положения для получения выгоды — единственный формально объединяющий их момент. Именно поэтому усредненные статистические данные о масштабах неформальных подношений не могут сказать нам ничего нового о природе этого сложного социально-экономического явления, так же как среднестатистическая температура по больнице ничего не сообщает о природе болезней лежащих в ней пациентов. Использование государственно-ориентированного подхода для исследования феномена коррупции приводит к парадоксальной картине: коррупция рассматривается как преступление и, следовательно, осуждаемое отклонение от нормы, и в то же время в нее оказывается в той или иной степени вовлечена большая часть населения страны (54%)¹. Тот факт, что в России масштабы коррупции (размер взяток) превосходит доходы государственного бюджета в 2,66 раза², не только свидетельствует о неэффективности формальных государственных регуляторов, но заставляет задуматься о правомерности отнесения всех случаев «неформального стимулирования», упоминаемых респондентами в своих ответах, к некоей единой категории, обозначаемой как коррупция.

Различия между разными «коррупциями» становятся более очевидными, если при рассмотрении «коррупционных сделок» мы будем учитывать контекст взаимодействия, перспективы его участников и конечные цели, которые ставят собой стороны. Так, например, взятка за приобретение участка земли в элитном (или даже запрещенном для продажи) месте и взятка за «ускорение» оформления землеотвода на выкуп-

ленное фирмой здание могут оказаться явлениями различной природы, хотя обе ситуации можно охарактеризовать как коррупцию из перспективы государственно-ориентированного подхода. В обоих случаях имеет место использование чиновниками властного ресурса в целях личной выгоды. И в том, и в другом случае используется несовершенство формальных регуляторов или происходит их сознательное нарушение или игнорирование. И там, и там имеет место передача денежных средств чиновнику в качестве неформального стимулирования. Однако если в первом случае коррупция выступает как агрессивная стратегия, стратегия доминирования, когда сильный игрок использует взятку, чтобы получить в свое пользование некий выгодный государственный ресурс, во втором примере коррупция скорее выступает в качестве защитного маневра, способа противодействия несовершенным нормам бюрократического регулирования, защиты против неэффективной работы бюрократических структур.

Различия в содержании двух приведенных ситуаций коррупции весьма существенны. В первом случае речь идет о приобретении дополнительных благ незаконным путем. Здесь коррупция выступает в своем «классическом» облике, как разновидность воровства у государства. Это активная стратегия, направленная на получение дополнительной выгоды, и отказ от ее использования связан лишь с риском не получить эту дополнительную выгоду. Во втором случае взятка является скорее вынужденным шагом, вызванным реальными убытками, которые может понести фирма из-за медлительности и громоздкости бюрократических процедур. Ценой вопроса здесь является не упущенная выгода, но серьезные потери вплоть до угрозы существованию бизнеса.

Приведенные примеры демонстрируют значимость такой характеристики коррупции как возможные последствия неиспользования коррупционной стратегии, иными словами — насколько вынужденной является коррупционная сделка для ее участников. На наш взгляд, эта характеристика задает принципиальные различия между коррупцией как вынужденной мерой противодействия неэффективности бюрократического аппарата и коррупцией как стратегией приобретения дополнительных благ. Можно привести множество других примеров, где основаниями для различения видов коррупции будут

¹ Фонд ИНДЕМ: неправительственный доклад. «Новая газета», № 55, 01.08.03.08.2005 г. С. 12–13.

² Там же.

служить другие качественные характеристики коррупционной ситуации. Например, чрезвычайно важен характер эмоциональной вовлеченности в «коррупционный процесс» его участников, который может задавать принципиально иную окраску происходящему.

Несмотря на то, что различные «коррупции» могут присутствовать в одном и том же правовом пространстве и возникать по поводу одинаковых объектов (в нашем примере — по поводу участков земли), они должны быть разведены аналитически. Приведенные примеры еще раз иллюстрируют, что исследование коррупции из государственно-ориентированной перспективы не позволяет увидеть многообразие социально-экономических отношений, которые собственно и составляют содержание данного явления. Видимо, для того чтобы разобраться в сущности этих отношений, следует отказаться от взгляда на коррупцию как на целостный и однородный феномен, а вместо этого попытаться рассмотреть его как бриколаж, сформированный многочисленными коррупциями, каждая из которых отличается от других существенными качественными характеристиками. Стратегией подобного исследования является не разработка сквозных всеобъемлющих классификаций, в которые все равно невозможно упаковать все разновидности коррупции, но подробное эмпирическое описание и анализ отдельных «коррупций» из различных исследовательских перспектив.

Коррупция в сфере мелкого предпринимательства. Фоновая коррупция

В данном эссе мы рассмотрим одну из таких коррупций — феномен коррупции в сфере мелкого и среднего предпринимательства. Эмпирические данные, на которые я опираюсь, получены из ряда исследований коррупции в сфере малого и среднего бизнеса Санкт-Петербурга, проводившихся ЦНСИ в 2003–2005 гг.

Как нам представляется, неформальные отношения мелкого бизнеса и власти обладают некой спецификой, отличающей их от коррупции, скажем, в крупном бизнесе как по уровню взаимодействия с властными структурами, так и по характеру решаемых проблем. Различия обусловлены, прежде всего, спе-

цифическими особенностями мелкого бизнеса, его небольшими масштабами, высокой долей теневого компонента. Не менее важен вопрос о том, чем рискует предприниматель в своем противостоянии чиновникам. В целом ситуацию в мелком бизнесе можно сравнить, пользуясь известной метафорой Р. Тауней, с положением человека, все время стоящего по шею в воде, когда небольшой волны достаточно, чтобы он захлебнулся (Tawney, 1966: 77). Таким образом, при взаимодействии с чиновниками на карту чаще всего ставится не упущенная выгода, а само существование предприятия, о чем неоднократно говорили наши информанты в своих интервью.

Те ситуации, о которых нам рассказывали бизнесмены, едва ли вписываются в классические представления о коррупционной сделке как о девиации или даже преступлении. Из собранных интервью коррупция предстает не как активная экономическая стратегия, но как атрибут экономической повседневности, способ преодоления бюрократических барьеров. Ее можно обозначить как *фоновую*, т.е. постоянно присутствующую в практиках взаимодействия бизнесменов с носителями властного ресурса и не воспринимаемую как нечто из ряда вон выходящее.

Как правило, ситуация, провоцирующая коррупционное взаимодействие в мелком бизнесе, связана с невозможностью для бизнесмена следовать формальным правилам без серьезного ущерба для своего бизнеса. Это может быть вызвано разными причинами: либо само правило устарело настолько, что потеряло всякий смысл (но при этом оно сохраняет свою регулируемую функцию), либо новые правила, разработанные для улучшения ситуации, как это часто бывает, вступают в неразрешимое противоречие с действующими или не соответствуют существующим реалиям. Может случиться, что выполнение данного правила просто не по карману бизнесмену. Даже если правило выполнимо, сама бюрократическая процедура может быть настолько затянута (из-за нерадивости чиновников, дефицита бюрократических ресурсов и т.п.), что это чревато серьезными убытками и рисками для бизнесменов. В любом случае возникает некое противостояние между бизнесменом и носителем властного ресурса по поводу соответствия формальным требованиям, которое требует своего разрешения. Часто это противостояние не обретает

форму открытого конфликта, однако последний всегда ощущается как потенциально возможный, и коррупция в таком случае выступает в виде упреждающего действия.

Фоновая коррупция — это действие, направленное не на улучшение ситуации, но на ее неухудшение. Наши данные позволяют говорить о том, что такая коррупция наиболее типична для мелкого предпринимательства, что не исключает, однако, существования иных «коррупций» в сфере мелкого бизнеса. В интервью нам говорили, например, о мелких фирмах, ориентированных исключительно на освоение бюджетных средств, для которых коррупция (откаты) выступает основной стратегией получения заказов. Известны случаи создания «карманных» мелких фирм при отдельных представителях власти, через которые происходит перетекание бюджетных средств в карманы чиновников. Эти практики являются примерами «классической» коррупции и именно они привлекают наибольшее внимание при разработке антикоррупционных мероприятий и вызывают наибольшее число упоминаний в публичном дискурсе. Мы же хотим обратить внимание на практики обыденной, повседневной экономической коррупции, которая незаметна именно в силу своего фонового «само собой разумеющегося» характера.

Фоновая коррупция отлична от эндемической, которая имеет не рациональные, а культурно-традиционные основания (хотя полностью исключить рациональность все же невозможно, эндемическая коррупция столь же рациональна, сколь рациональны любые традиции). Фактически эндемическая коррупция представляет собой культурную норму, связанную с ритуалами дарения, с выстраиванием и поддержанием института дружеских отношений, характерных для традиционных обществ. Говоря об эндемической коррупции, исследователи упоминают прежде всего Индию, Китай, страны Африки, где подарки значимым людям и выстраивание с ними персональных отношений вплетены в культурный контекст традиционного докапиталистического общества¹. Фоновую корруп-

цию, о которой мы говорим в данном эссе, можно назвать эндемической в том смысле, что, как и в упомянутых выше странах, она воспринимается как общепринятый эффективный способ взаимодействия с властью. Однако в случае России подобные представления базируются не столько на культурных традициях, сколько на прочно укорененном в массовом сознании убеждении (часто основанном на личном опыте), что формальные механизмы работают плохо или вовсе не работают и что формальным путем решить проблемы практически невозможно.

В отличие от эндемической коррупции, которая выступает социально одобряемым регулятором поведения, фоновая коррупция не является одобряемой нормой, это скорее вынужденный шаг. Даже тот факт, что во многих интервью бизнесмены приветствуют наличие возможности решить проблему неформально, не противоречит данному утверждению — фоновая коррупция продолжает оставаться в целом осуждаемой формой взаимодействия с властью (и в этом ее отличие от «классической» коррупции, которая целенаправленно используется как бизнес-стратегия). В приведенной ниже цитате из интервью с бизнесменом четко прослеживается подобное осуждение:

Нет, для меня разницы никакой принципиальной нет, другое дело, что, как и любой разумный человек, я заинтересован в том, чтобы достичь результата. И пока система государственных отношений существует такого рода, в какой нам приходится жить, то я вынужден подстраиваться под эту систему. Потому что я заинтересован в ней преуспевать. В той системе, которая дана мне как объективная реальность. Но сама система мне не нравится. Естественно, что мне приятно поддерживать в настоящий момент со всякими чиновниками, которые без всяких конвертов могли бы делать полезные для меня вещи в силу наших отношений, да, мы можем где-то встречаться, там, общаться помимо этого. Но

¹ Близко к разделению классической и эндемической коррупции деление коррупции на «западную» и «восточную». Западная модель характеризуется наличием рынка коррупционных услуг, на котором стороны вступают во временные разовые отношения «купли-продажи». Восточная кор-

рупция предполагает существование устойчивых социальных коррупционных отношений, вплетенных в общий социо-культурный контекст взаимодействия общества и власти (См. доклад ИНДЕМ «Россия—2015: судьба коррупции и судьба России», доступно на: www.anti-corr.ru).

это неправильно. Так быть не должно. Т.е. пока эта система существует, мне это удобно, и... эээ, разумно, но так быть не должно. И если, если у государства поменяется полярность в отношении этого, в отношении этой системы отношений, то я как индивид ее приму, ну, не с радостью, но я буду понимать, что да, это для меня будут влечь какие-то неудобства личные, но если это изменится для всех, то я с этим не то, что смирюсь, но буду это приветствовать.

(генеральный директор адвокатского бюро)

Любопытно, что, говоря о распространенности неформальных отношений с властью как о естественном явлении, бизнесмены практически во всех интервью, так или иначе, говорят о том, что эти явления «нормальны» лишь для России, в рамках той системы, тех правил игры, которые задаются государством в нашей стране. Информанты часто ссылаются на то, что в России коррупция — исторически сложившаяся форма взаимоотношений с властью и что «каждый человек с рождения знает о том, как надо решать эти вопросы», но в ходе дальнейшей беседы выясняется, что если бы система власти работала нормально, то и они, бизнесмены, вели бы себя по-другому. Т.е. можно предположить, что коррупционное поведение бизнесменов вызвано скорее не историческими культурными нормами и традициями, но рациональной необходимостью. Иначе говоря, историческая «память» печально известного российского взяткодательства действует не сама по себе, но активизируется при определенных обстоятельствах, вызывается к жизни рациональными мотивами.

Фоновая коррупция как «обыденное сопротивление» мелких предпринимателей

Сущность фоновой коррупции можно определить как пассивную, защитную реакцию бизнеса на давление государства, что принципиально отлично от традиционного понимания коррупции как агрессивной экономической стратегии. По своей природе фоновая коррупция скорее схожа с практиками, получившими название «оружие слабых» (Скотт, 1996). Джеймс Скотт в своих исследованиях крестьянства рассматривает различные способы скрытого ограничения претензий власть

имущих, практикуемые крестьянами в разных странах в разные исторические периоды. Примерами подобных действий он считает такие незаконные практики, как браконьерство в государственных лесах, негласное присвоение («тихое прирезывание») и использование чужой земли, неуплату налогов (десятин и т.п.) или занижение размеров земельных наделов при исчислении налогооблагаемой базы. Все эти и многие другие действия Скотт рассматривает в более широком контексте как многочисленные формы обыденного «швейковского» сопротивления, характерные для угнетенных безвластных групп и слоев населения, к которым в том числе относится и крестьянство. Скрытые формы сопротивления не предполагают какого-либо политического противостояния, но имеют исключительно прагматическую природу и направлены на достижение вполне приземленной цели — на экономическое выживание крестьянского хозяйства. И здесь имеется сходство крестьян и мелкого бизнеса: последний также более соответствует категориям экономики выживания, а не ориентирован на получение сверхприбылей.

Сходство «тихого сопротивления» крестьянства с феноменом коррупции в сфере мелкого предпринимательства усиливается близким восприятием государства и формальных правил, его олицетворяющих. Отношение к государству двойное. С одной стороны, от него не ждут ничего хорошего, соприкосновение с ним всегда связано с проблемами, которые приходится «решать», и препятствиями, преодоление которых дорого стоит. Любые идущие «сверху» нововведения, даже имеющие целью улучшить положение мелкого бизнеса, воспринимаются бизнесменами настороженно, они не верят в возможность улучшения ситуации. И даже если государство, разрабатывая новые законы, имеет самые благие намерения, это не служит оправданием в глазах бизнесменов, поскольку, как правило, не приводит к каким-либо положительным для них последствиям.

С другой стороны, имеется некоторый набор ожиданий, представлений бизнесменов о том, какие функции государство должно выполнять по отношению к бизнесу. Основное из них, постоянно звучавшее в интервью с бизнесменами — это ожидание защиты от вымогательства чиновников, которое никогда не оправдывается.

Я бы вот еще понимал, если бы я государству отдал по совокупности 10% от заработанного. Но! При этом не просто отдал. Это же не значит, что они просто пришли ко мне и сказали: парень, ты знаешь что, ты до хрена зарабатываешь; или: ты вообще зарабатываешь деньги? Гони, это самое, государству. И у меня возникает вопрос: а почему я должен государству платить этот самый налог? Если государство <...> даже не в состоянии защитить меня при получении лицензии, где я, в принципе, заплатил государству 1300 рублей, а остальные, тоже, в принципе, государству, в лице министерства, хапнуло как себе вот 24 и тра-та-та-та. Что такое государство, я уже не понимаю, я перестаю понимать, что такое государство. Либо это, значит, структура, которая бесконечно меняет законы и формы отчетности, т.е. параноидально там хочет что-то улучшить, на самом деле ухудшает, потому что всех дергает. Я не вижу, что такое государство. Я не могу заключить арендных отношений с КУГИ, который является фактически бандитом на рынке недвижимости, задрав такие цены, о каком малом бизнесе можно вообще говорить, имея такие ставки? И в принципе не имея никаких льгот. Да? Т.е. кредита в банке я не беру, работаю как бы на свои деньги. Значит, арендовать площади на гроши, которые мы зарабатываем, я тоже не могу. Значит, сертифицировать мастерскую я тоже не могу, потому что меня Москва разденет в очередной раз, как только я вякну, что я тут хочу вот эту мастерскую делать. Они все кинутся и будут опять вот жрать. Я тогда не понимаю, что такое государство. Это кто?

(директор фирмы по монтажу и ремонту стоматологического оборудования)

Этот отрывок из интервью хорошо демонстрирует характерное для мелкого и среднего бизнеса дистанцирование от государства, которое в значительной степени объясняется общей негативной оценкой действующих формальных правил. Они рассматриваются не как работающие на общее благо, но как некие навязываемые сверху ограничения, направленные против бизнесменов. Подобно крестьянам, мелким предпринимателям легче обойти и уклониться от неудобного закона, чем пытаться его изменить или просто приспособить-

ся к формальным требованиям. Такая стратегия типична именно для мелкого бизнеса, и в этом мелкий бизнес отличается от крупного. С одной стороны, крупный бизнес больше на виду, а потому вынужден соответствующим образом реагировать на постоянные изменения законодательства. С другой стороны, у крупного бизнеса есть больше возможностей, ресурсов как для отслеживания изменений в формальных правилах, так и для лоббирования своих интересов при разработке и принятии этих правил. Что касается мелких предпринимателей, то им целесообразнее и проще уклониться, обойти неудобные законы. Наиболее распространенным способом здесь становится не приведение бизнеса в соответствие с правилами, но имитация этого соответствия (Панеях, 2001), которая возможна именно благодаря неформальным отношениям с чиновниками из контролирующих структур. В том случае, если неформальный компромисс по какой-то причине невозможен, бизнесмен найдет другой способ уклониться от невыполнимого правила:

«Все эти законы, которые повышают планки, просто голь на выдумки сильна. Если нам, скажем, скажут: вы должны заплатить миллион долларов, чтобы вести бизнес, то мы скажем: мы вообще не бизнесмены, вообще лавочники, просто собрались сегодня продать. На такие действия государства мы будем отвечать по-своему, насколько возможно».

(генеральный директор фирмы по продаже лако-красочных материалов);

«В: ...а вот эта ситуация с законом о кассовом аппарате — как ты ее решил?»

О: А никак. Я ушел, эээ, как это сказать, я ушел в черный нал, я ушел в криминальные денежные отношения со своими клиентами, по наличным деньгам.

В: Т.е. ты без кассового аппарата работаешь?

О: Я без кассового аппарата работаю, я работаю с черным налом. Спасибо государству. Раньше я выписывал приходники, теперь я их не выписываю. Раньше меня можно было за руку хоть как-нибудь поймать, теперь никак не поймаешь».

(директор фирмы по монтажу и ремонту стоматологического оборудования)

Приведенные цитаты из интервью позволяют сделать вывод, что коррупция является лишь одним из способов «обыденного сопротивления», который бизнесмены используют наряду со многими другими. Что касается открытого сопротивления невыполнимым правилам, предполагающего лоббирование интересов на законодательном уровне, то оно наталкивается на проблему отсутствия бизнес ассоциаций, способных защитить интересы мелких предпринимателей перед лицом власти (Олимпиаева, Паченков, 2006). Мелкий бизнес во всех странах отличается разрозненностью и низкой самоорганизацией, в России же эта особенность усугубляется неразвитостью институтов гражданского общества, «отсутствием денег и времени» у бизнесменов на общественную деятельность и укоренившимся неверием в возможность эффективного диалога с государством.

Традиционный вопрос о том, кто является инициатором коррупционной сделки, в случае фоновой коррупции не имеет однозначного ответа. Если рассуждать на уровне обобщающих концепций, то совершенно очевидно, что распространенная на западе модель «захвата государства», состоящая в том, что бизнес инициирует коррупцию, пытаясь неформально лоббировать свои интересы при принятии решений законодательной властью, в случае мелкого бизнеса не работает. Наши данные говорят о том, что для мелкого бизнеса скорее подходит модель, получившая название «захват бизнеса», когда чиновники (или другие обладатели властного ресурса) намеренно создают ситуации, в которых бизнесмены вынуждены платить за возможность нормального продолжения своего дела.

На уровне конкретных взаимодействий довольно сложно определить, кто действительно инициирует неформальное решение проблемы (или неформальное стимулирование) — предприниматель, который понимает, что нарушает формальное правило и что ему придется расплачиваться по полной программе, или чиновник, который это нарушение обнаружил и ждет, когда ему предложат решить вопрос неформально. Обычными являются ситуации, когда, по словам информантов, «неформальное решение проблемы подразумевается само собой». Здесь вообще трудно сказать, кто инициирует коррупцию, поскольку сложилась устойчивая система взаимоот-

ношений, некоторые правила игры, в рамках которых действуют как бизнесмены, так и чиновники. Важно подчеркнуть, что отношения между бизнесменами и представителями власти в процессе разрешения этих конфликтных ситуаций регулируются в большинстве случаев не законом, а нормами обычного права, сложившимися стихийно в процессе взаимодействия бизнесменов и представителей власти, конвенциональными представлениями о справедливости и неким здравым смыслом. Законодательные нормы существуют лишь как фон этого взаимодействия, к ним периодически апеллируют обе стороны, но отношения выстраиваются совсем в других плоскостях.

Заключение

Обратимся еще раз к сходству фоновой коррупции в сфере мелкого предпринимательства и обыденного сопротивления крестьянства, рассмотренного Джеймсом Скоттом. Важно отметить, что в многообразных способах нарушения формальных правил, устанавливаемых властью имущими, Скотт усматривает негласное противостояние бесправных групп элите и государству. Таким образом, он относит обыденное сопротивление к разновидности политического действия, рассматривает его как скрытую форму классовой борьбы. Пользуясь историческими данными, Скотт в своих работах показывает, как скрытое уклонение, нарушение и невыполнение навязываемых государством правил, реализуемые на уровне повседневных практик, могут приобретать огромные масштабы, превращаясь в мощный фактор государственного реформирования. Порой этот фактор оказывается более существенным, чем открытое, публичное политическое выступление. Мы не сторонники прямых аналогий, однако хотелось бы верить, что фоновая коррупция, подобно обыденному сопротивлению крестьянства, рано или поздно сыграет свою роль в реформировании государственной системы управления экономикой, и прежде всего — в части регулирования сферы мелко и среднего бизнеса.

Литература

- Олимпиева, И., Паченков, О. (2006) Гражданские объединения предпринимателей в сфере МСБ: опыт исследования (на примере Спб.) // Отечественные записки, № 6. С. 198–205
- Панеях, Э. Л. (2001) Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике // Экономическая социология. Т. 2. № 4. С. 56–68. www.ecsoc.msses.ru
- Сандомирская, И. (2001) Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wiener Slawistischer Almanach Sonderband 50 Wien.
- Скотт, Джеймс (1996) Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьянства (1985). // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс. С. 26–59.
- Tawney, R.H. (1966) Land and Labour in China. Boston: Beacon Press.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Джеймс С. Скотт — профессор факультета политических наук и антропологии Йельского университета.

Жан-Пьер Оливер де Сардан — директор Высшей школы социальных наук, Франция.

Тон Кристин Сиссенер — исследователь Chr. Michelsen Institute (СМИ), Берген.

Герхард Андерс — доцент Института социальной антропологии, Университет Цюриха.

Стивен Л. Сэмпсон — профессор кафедры социальной антропологии, Университет Лунда, Швеция.

Клавс Седлениекс — преподаватель факультета социологии Латвийского университета, Рига.

Ирина Олимпиева — сотрудник Центра независимых социологических исследований, Санкт-Петербург.

Олег Паченков — сотрудник Центра независимых социологических исследований, Санкт-Петербург.